

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ФРИДРИХ ЛИСТ VS КЛАССИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Г.Г. ПОПОВ,

*кандидат экономических наук,
Российский государственный гуманитарный университет*

О проблемах экономической глобализации только в России написаны тысячи статей и десятки монографий. Однако мало кто знает, что одним из первых об опасности глобализации для национальной экономики начал говорить немецкий экономист более чем полуторавековой давности Фридрих Лист. Правда, в его время термина «глобализации» еще не было. Но проблема глобалистской угрозы национальному экономическому развитию уже была.

Сейчас, когда идет дискуссия о вступлении России в ВТО, о Листе вспоминают, прежде всего, как о стороннике протекционизма (который, между прочим, он считал лишь временной мерой). На самом деле Лист более интересен как основоположник теории экономической эксплуатации слабо развитых наций более сильными. Во второй половине XX в. подобные идеи получили развитие в трудах леворадикальных экономистов – таких как Рауль Пребиш или Иммануил Валлерстайн. Однако первым был именно Ф. Лист, взгляды которого являлись антитезой либеральным концепциям свободной торговли.

Как первооткрыватель “глобалистской” эксплуатации, Ф. Лист объективно является основоположником анализа проблем национальной экономической безопасности.

1. Polemika Ф. Листа с экономистами-классиками

Фридрих Лист – “Эрхард без Аденауэра”¹. Напомним читателю основные вехи жизни Ф. Листа – первого выдающегося немецкого экономиста².

Жизнь Фридриха Листа (1789-1846 гг.) была достаточно сложной – насколько сложной всегда бывает жизнь человека, пошедшего против устоев и порядков консервативного общества. Трагедия его жизни в том, что он жил в эпоху, когда слово “Германия” воспринималось как чисто географическое понятие. Патриот единой и великой Германии не находил места в мелких немецких государствах, на которые раскололась в новое время Великая Римская империя германской нации.

Начальный этап жизни Листа связан с одним из таких мини-государств, королевством Вюртенберг (современная Швабия). Он родился в Рейнтлингене, образование получил в Тюбингене, а затем начал делать быструю карьеру на государственной службе. Однако рано проявившиеся склонности к реформаторству помешали ему продолжить заурядную карьеру чиновника одного из почти четырех десятков немецких государств. Одновременно с государственной службой работой Лист занимался образовательной деятельностью, основал журнал «Друг швабского народа», который, правда, просуществовал недолго. Несколько лет он занимал кафедру при факультете политических наук в Тюбингене, но затем от нее отказался, чтобы посвятить себя политической борьбе.

¹ В данном разделе использованы некоторые материалы Ю.В. Латова.

² С жизнью и творчеством Ф. Листа можно ознакомиться по многим источникам. См., например: [1].

Фридрих Лист принадлежал к пангерманистам, сторонникам объединения Германии. Как и многие его современники, он склонялся к идее объединения немецких стран под началом Австрийской империи – одного из самых сильных немецких государств. Однако политическая карьера Листа оказалась недолгой. Сразу после своего избрания в Вюртенбергскую палату депутатов от Рейнтлингена он выступил с предложениями о проведении серьезных реформ, которые шли вразрез с мнением правительства. В результате Лист оказался изгнанным из парламента и заключенным под стражу. Ему пришлось отправиться в изгнание – вначале в Швейцарию, а затем, в 1825 г., в Соединенные Штаты.

В Америке Лист на первых порах очень хорошо преуспел в бизнесе. Он успешно строил шахты и железные дороги, добившись высокого положения в обществе. Это положение дало ему возможность вернуться в 1832 г. в родную Германию в качестве американского консула в Лейпциге. В 1837 г. экономический кризис в США разорил Листа; путь назад, в Америку, оказался для него практически закрыт. Он с головой уходит в научно-просветительскую деятельность, разрабатывает проекты постройки железных дорог в Германии. Но самым главным для него стало отстаивание интересов Германии в международной торговле.

Главным конкурентом Германии Лист считал Англию, которая, по его мнению, стремилась превратить его страну в поставщика сельскохозяйственной продукции и выгодный рынок сбыта промышленных товаров. Именно проблема английской гегемонии в экономике и политике больше всего занимала Листа в начале 1840-х гг. Именно в эти годы он издает главное свое произведение – “Национальную систему политической экономии” (1841 г.). Тогда же Лист снова обращается к идеям пангерманизма. Но, как и раньше, призывы к общенемецкому патриотизму не находили должного отклика ни у императора Австрии, у которого Лист тщетно искал расположения, ни, тем более, у мелких германских князей. В конце концов, юнкерские политические круги Пруссии обрушились на него с критикой за антианглийские выступления.

Лист с каждым днем убеждался, что политические элиты Германии категорически не принимают его идеи. Это обстоятельство сильно повлияло на здоровье Фридриха Листа. 30 ноября 1846 г. он умер в гостинице курортного города Кунстейна – вероятно, от чахотки, но, возможно, это было самоубийство.

Наследие Листа начали по достоинству оценивать в Германии только после его смерти. Правда, значение утраты понимали в основном в академических и промышленных кругах страны.

Лист не дожил примерно 15 лет до начала реализации его пангерманских призывов. Объединение Германии “железом и кровью” возглавила в 1860-е гг. не культурная Австрия, на что надеялся Лист, а милитаристская Пруссия. В отличие от творца “немецкого чуда” 1950-х гг. Людвиг Эрхарда, которому было очень удобно проводить свои экономические реформы “за спиной” сильного политика, канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, Фридрих Лист единомышленников-политиков найти не смог. В год смерти Листа объединителю Германии, будущему канцлеру Отто фон Бисмарку (1815-1898 гг.) было только 30 лет, его политическая карьера еще и не началась. Эти два великих немца, Фридрих Лист и Отто Бисмарк, могли образовать дуэт, как Эрхард и Аденауэр, но история не дала им такой возможности.

Судьба научной теории Листа оказалась не менее драматической, чем его жизнь. Немецкие последователи этого талантливого ученого сделали его воззрения основой так называемой немецкой исторической школы. Эта школа дала ряд весьма выдающихся мыслителей (включая М. Вебера и В. Зомбарта), стала одним из источников американского институционализма. Однако после рождения неоклассики А. Маршалла ее влияние начало падать, к Первой мировой войне она приобрела признаки псевдонаучного учения, а в межвоенный период полностью исчезла. Активно вспоминать Ф. Листа начали только в конце XX в., на волне кризиса неоклассической экономической теории.

“Глобализация” и “антиглобализм” постнаполеоновского мира. Первая половина XIX в. – это период романтизма в общественных науках и культуре, когда в умах была еще распространена идея всемирной федерации наций, развивающихся по единым “правильным” законам. Однако на другом полюсе общественной мысли уже формировался национализм – идеология специфических особенностей и интересов отдельных наций. Именно из этой идеологии позже, уже в XX в., стали формироваться концепции национального экономического развития и национальной экономической безопасности. Одним из первых представителей экономического национализма и был Фридрих Лист.

После наполеоновских войн мир XIX в. столкнулся с той же проблемой, что и мир XX в. после окончания «холодной» войны, – проблемой однополярности мировой политической системы и геоэкономического пространства. Абсолютное первенство принадлежало Британской империи, континентальная Европа находилась в политическом и экономическом упадке. Разрыв в экономическом развитии между Англией и остальной Европой был достаточно ощутимым; существовали опасения, что этот разрыв окажется устойчивым. Таким образом, условия возникновения экономического национализма были очень схожи с современными условиями формирования антиглобалистских концепций.

Последователи Фридриха Листа из рядов немецкой исторической школы не совсем правильно поняли его теоретическую систему. Это стало причиной чрезмерного увлечения представителей исторической школы эмпирикой, за что их жестоко – и во многом справедливо! – критиковали оппоненты. Даже в наши дни Листа многие исследователи истории экономических учений воспринимают только как противника классической политической экономии. На самом деле это не совсем так.

Фридрих Лист хотел быть не столько противником, сколько реформатором классической политэкономии. Он желал восполнить крупный пробел, существовавший в теориях классиков. (Единственный, кого из классиков не мог принять Фридрих Лист, это – Мальтус, закон народонаселения которого Лист назвал «чудовищным».) Этим пробелом являлось отсутствие исследования проблем экономического развития отдельных наций.

Классики создали космополитическую политическую экономию, посчитав ее универсальной для всех народов и не вдаваясь в подробности развития отдельных стран. Следующее высказывание Листа говорит о его весьма толерантном отношении к классической школе: «Мы, со своей стороны, далеки от того, чтобы отвергать космополитическую теорию в том виде, в каком она выработана школой [имеются ввиду классики], мы думаем только, что политическая экономия, или, как ее называл Сэй, *Osonomie publique*, также должна быть научно разработана, и что, во всяком случае, лучше называть вещи их действительными именами, нежели придавать им значение, противоречащее смыслу слов» [6, с. 115]. Таким образом, Ф. Лист утверждал, что классики назвали политической экономией (в буквальном переводе – наукой о хозяйстве государства) то, что таковой не являлось.

Лист считал необходимым сформулировать объективные законы, относящиеся к сфере развития отдельных наций и их взаимодействия в ходе этого развития друг с другом. При этом Лист настаивал, что все развитие цивилизованных наций идет по пути тесной международной интеграции. Он писал по поводу этого: «Теперь уже с уверенностью можно предвидеть, что через несколько десятилетий благодаря усовершенствованию путей сообщения цивилизованнейшие народы в своих материальных и умственных отношениях будут связаны так же тесно и даже еще теснее, чем были связаны столетие тому назад разные графства Англии» [6, с. 117].

Тогда, спрашивается, в чем заключается национализм Листа? Если воспринимать понятие “национализм” в буквальном смысле этого слова, то идеи об усилении взаимосвязи разных наций, как будто, не должно выдавать в Листе националистически настроенного автора. Все дело в том, как будет развиваться эта взаимосвязь, кто от этого выиграет и кто проиграет.

Согласно Листу, есть разные пути развития взаимосвязи наций. Основную свою задачу при написании «Национальной системы политической экономии» Лист видел как раз в решении задачи, как народам, обладающим в результате своего исторического развития неравными экономическими возможностями, интегрироваться в мировое хозяйство на равноправных началах.

Разумеется, во времена Листа не было понятия «мировое хозяйство», но он уже представлял его. Фридриха Листа в каком-то смысле можно назвать пророком глобализации. Поставленные им вопросы станут наиболее актуальными через полтора столетия после издания «Национальной системы политической экономии» – в наши дни.

Например, чего стоит следующая мысль: «чем более развивается промышленность, тем равномернее она распространяется по земному шару, и тем сильнее будет уменьшаться возможность войны. Два одинаково развитых в промышленном отношении народа в состоянии уже в одну неделю нанести друг другу более вреда, чем в состоянии его исправить целое поколение» [6, с. 118]. Таким образом, по мнению Листа, выравнивание в промышленном развитии наций должно способствовать установлению мира между государствами. Действительно, существующая сегодня в мире система безопасности стала возможной во многом благодаря выравниванию уровней промышленного развития ведущих мировых держав, что сделало потенциальную глобальную войну всеобщим самоубийством.

Центральный вопрос, который занимал Листа, таков: к какой международной интеграции придет мир – к глобальной системе, где будет править одно государство (то есть Британия), или же к системе равноправных наций? Сегодня акценты этой проблемы немного изменились (место Британии заняли США), однако проблема осталась. По мнению Листа, если промышленные державы последуют либеральным идеям свободной торговли, не создав необходимых условий для национального экономического развития, то мир придет к первому варианту. В этой связи он вступил в полемику с классиками, в особенности с Давидом Риккардо, критикуя его концепцию сравнительных издержек, которая казалась тогда незыблемой.

Фридрих Лист vs Адам Смит. Лист вполне справедливо указал на излишнюю абстрактность концепций Адама Смита и Давида Риккардо. Она, как известно, содержит много допущений, не существующих даже в современном мире, не говоря уже о Европе позапрошлого столетия. Построенные уже в XIX в. на базе теории сравнительных преимуществ теоремы Оливена-Хекшера, Самуэльсона, Рыбчинского содержат те же самые допущения. Главными из них являются – гомогенность факторов производства, их абсолютная мобильность внутри национальных экономик и полная международная иммобильность, приблизительно равные емкости рынков торгующих стран.

Лист, выступая против классических теорий международной торговли, выдвинул вполне логически обоснованные аргументы, которые могут служить основой и для критики неоклассических теорем. В первую очередь он обращается к концепции международной специализации Адама Смита, базировавшейся на теории абсолютных преимуществ в торговле.

Напомним основное содержание взглядов А. Смита на международную специализацию. А. Смит считал, что добровольно торгующие без каких-либо протекционистских ограничений страны обязательно выигрывают. Но для этого каждая из торгующих стран должна иметь абсолютное преимущество по обмениваемому товару – меньшее количество трудозатрат, которые приходятся на производство товара, по сравнению с другой страной (А. Смит рассматривал производство только с одним фактором, трудом). Проще говоря, если Португалия производит вино, затрачивая на каждый литр этого продукта один час живого труда, а в Германии литр вина обходится в два часа живого труда, то немцам выгодно покупать вино в Португалии и отказаться от производства своего вина. Но Германия должна предоставить Португалии что-либо в обмен. Допустим, выплавка одной тонны металла в Германии требует 10 часов труда, а в Португалии – 20 часов. Очевидно, что португальцам надо отказаться от выплавки металла и закупать его в Германии, предоставляя немцам в обмен вино.

Логика концепции А. Смита проста, но она слишком абстрактна, как абстрактны все последующие классические и неоклассические теории, базирующиеся на ней. Она абстрактна в силу ряда допущений. Основные из этих допущений таковы: в модели участвуют только две страны и два товара; принимается во внимание только один фактор производства – труд, причем, он является гомогенным (только одного типа и качества); торгующие страны используют одинаковые технологии, которые не меняются.

Лист утверждал, что страна, последовавшая рекомендациям Смита, достигнет кратковременной выгоды, которая, однако, в долгосрочном периоде обернется крупными экономическими потерями. Свой вывод Лист аргументирует просто: отказываясь от производств, которые не дают абсолютных преимуществ в международной торговле, страна направляет все ресурсы на производство специализированного продукта, то есть на то производство, где она обладает абсолютными преимуществами. В результате в этом производстве возникнет со временем избыток ресурсов, будет развиваться конкуренция, но в то же время начнет разрушаться внутренний обмен.

Лист приводил реальный пример современной ему Франции, где стоимость фабричных товаров была выше, чем в Англии. Лист задался вопросом: что было бы, если французы сняли бы ограничения на ввоз промышленных товаров из Англии? Он вполне логически находит ответ: «Французские потребители в течение нескольких лет будут удовлетворять свои нужды в фабрикатах гораздо дешевле, чем прежде, но французские фабрики будут разорены, и миллионы людей будут доведены до нищенства или будут принуждены эмигрировать или же приняться за земледелие. В наилучшем случае прежние потребители-земледельцы превратятся в их конкурентов, производительность земледелия снизится, а потребление уменьшится. Необходимыми следствиями этого во Франции будут: обесценение продуктов, падение ценности земли, национальное обеднение и национальная дряблость» [6, с. 132].

Конечно же, приведенный Листом пример несколько старомоден для нашего времени, когда сельское хозяйство не играет столь серьезной роли в экономике. Скорректируем рассуждения Листа применительно к современной ситуации.

Фридрих Лист vs Пол Самуэльсон. В 1949 г. будущий лауреат Нобелевской премии по экономике, американский экономист Пол Самуэльсон попытался доказать, что углубленная специализация стран, порожденная либерализацией международной торговли, должна вызвать подорожание тех факторов производства, вклад которых наиболее велик в производстве продукта специализации. Фридрих Лист более чем за сто лет до этого утверждал обратное, предвосхищая в некотором роде и теорему Рыбчинского, и открытие явления «голландской болезни».

В общих чертах, теорема Рыбчинского гласит, что, если в стране развивается, допустим, трудонасыщенные производства, то при стабильности цен на товары и факторы производства капитал будет уходить именно в них. В результате получится эффект усиления – отрасли, в которых используется наиболее дешевый фактор производства, будут развиваться в гораздо больших пропорциях, нежели другие отрасли.

Впоследствии теоремой Рыбчинского стали объяснять такое явление, как «голландская болезнь». Суть этого явления в следующем. В начале 1970-х гг. в Нидерландах были открыты богатые месторождения природного газа. Эффект был тем более колоссален, поскольку это открытие произошло в условиях «нефтяного шока», потрясшего весь мир. В голландской экономике произошло масштабное перераспределение факторов производства в пользу газовой отрасли. В итоге другие отрасли стали переживать депрессию, страна отстала в сфере промышленного развития и НТП, произошла, как пишут экономисты, «деиндустриализация» экономики. Новооткрытые богатые природные ресурсы не ускорили, а затормозили национальное экономическое развитие.

Экономисты, современники тех событий, считали, что опыт Нидерландов являет собой нечто новое и уникальное. Но более чем за 130 лет до этого Фридрих Лист приводил примеры «деиндустриализации» в США после снижения Конгрессом таможенных пошлин

на ввоз промышленных товаров, хотя, разумеется, он не знал этого термина. При этом, в отличие от Рыбчинского, Лист не делал такого допущения как неизменность цен на товары и факторы производства, что едва ли возможно в реальной экономике, особенно в условиях межотраслевого дисбаланса.

Вернемся к Полу Самуэльсону и попробуем найти, опираясь на идеи Ф. Листа, слабые места в его рассуждениях.

Допустим, страна специализируется на производстве трудоемкого товара. В таком случае, согласно логике П. Самуэльсона, уровень заработной платы в стране должен подняться, а ставка процента, то есть стоимость капитала, – упасть. Не будем отрицать, в определенном временном периоде так оно и будет. Но Самуэльсон предполагал гомогенность труда и капитала. Однако в реальной экономике факторы производства изменяют свою производительность. Если предполагать, что производительность труда изменчива, то рано или поздно наращивание этого фактора производства приведет к снижению его эффективности. В таком случае будет иметь место снижение заработной платы, то есть стоимости труда как фактора производства.

Наиболее уязвимым местом концепции Самуэльсона является то, что он не учел ограниченности численности трудоспособного населения – в его модели ресурсы вообще не ограничены. Предположим теперь, что спрос на труд в условиях увеличения производства трудоемкого продукта специализации превысил предложение. В таком случае уровень заработной платы должен превысить среднюю производительность труда, что, несомненно, приведет к потере сравнительных преимуществ в производстве продукта специализации. В условиях свободного рынка, конкуренция в отрасли (или отраслях) специализации должна усилиться, что, естественно, приведет к снижению нормы прибыли в них. Это не принималось в расчет создателями неоклассических теорий международной торговли, не учитывалась ими также и конкуренция между производителями на внутреннем рынке.

Модель П. Самуэльсона отражает часть реальности работы механизма международной экономики, но далеко не весь спектр аспектов этой реальности. Она даже больше подходит для торговли между странами с плановой экономикой, где нет рыночной конкуренции как фактора, снижающего норму прибыли.

Лист прав, что если страна избавляется от производств, в которых она не имеет абсолютных или сравнительных преимуществ, или того и другого вместе (концепция абсолютных преимуществ А. Смита является частным случаем концепции сравнительных преимуществ Давида Риккардо), то в отраслях специализации значительно возрастает внутренняя конкуренция, если нет к тому институциональных ограничений. Снижение нормы прибыли заставляет предпринимателей в условиях гомогенности факторов производства сокращать заработную плату и потребление капитала, а это – путь к депрессии.

Для маленькой страны с небольшим населением угроз от углубления специализации будет немного. Однако крупному государству с многомиллионным населением рецепты классиков и неоклассиков едва ли подходят буквально.

2. Историческая проверка идей Ф. Листа

Когда Ф. Лист разрабатывал свою концепцию национальной экономики, то многие современные страны-лидеры (родная Листу Германия, Соединенные Штаты, Япония) еще только начинали “взлет”. Зададимся вопросом – их подъем произошел “по Смигу и Риккардо” (т.е. за счет эксплуатации абсолютных и относительных преимуществ) или “по Листу” (т.е. путем комплексного развития)?

История свидетельствует, что страны, в которых переход к индустриальному развитию произошел с запозданием (по сравнению с Англией), выдвинулись в лидеры благо-

даря не специализированному, а комплексному развитию. Фридрих Лист сам указывал на это, приводя в качестве примера США первой половины XIX в. Современные историки-экономисты могут существенно расширить его аргументацию.

Case-study Германии и Японии. Уже в последней трети XIX в. старые страны-лидеры (прежде всего, Великобритания и Франция) начали активно тесниться новыми лидерами – Германией и Японией. В обеих этих странах сильное развитие получили отрасли с высокой добавленной стоимостью. Возникнув при активной государственной поддержке, они за 20–30 лет совершили колоссальный рывок, опередив по темпам роста легкую промышленность и сельское хозяйство. Ускоренное комплексное развитие в случаях с Германией и Японией привело к нарушению межотраслевого баланса в их экономиках, что, несомненно, являлось жертвой, которую платило общество за право на получение доступа к благам цивилизации.

Конфликт между либеральной торговой политикой и интересами национального социально-экономического возрождения более четко виден на примере Японии.

Крушение режима сегуната Токугавы в Японии произошло во многом из-за насильственного открытия страны в 1850-е гг. для ввоза дешевой американской и английской промышленной продукции. В условиях низких таможенных тарифов это привело к массовому разорению городских ремесленников и фабрикантов (последних в Японии к середине XIX в. было уже немало). Именно под давлением недовольной внешней конкуренцией буржуазии, блокировавшейся с патриотически настроенными аристократами, в Японии произошла революция, именуемая в исторических источниках приходом к власти режима Мэйдзи. Обновленное японское государство направило значительные бюджетные ресурсы на развитие тяжелой промышленности, что в итоге обеспечило японской экономике высокую конкурентоспособность уже к началу XX в.

Нечто очень похожее происходило и в кайзеровской Германии после ее объединения в 1860-е гг. Там при покровительстве государства буквально за 20 лет выросли целые отрасли индустрии.

Обращаясь к опыту Японии и Германии, следует оговориться, что они не всегда придерживались стратегии комплексного развития. После Второй мировой войны обе страны перешли к развитию «по Смиту и Риккардо», которое было основано на принципе специализации, ориентированной на внешний рынок. Но причина того кроется, скорее, не в отказе от старых методов регулирования экономики, а в том, что послевоенная Япония и ФРГ просто физически не имели многих отраслей народного хозяйства (особенно это касается Японии). Однако после выхода из послевоенного кризиса и ФРГ, и Япония все более стали склоняться в сторону политики комплексного развития. Так, Япония в 1970-е – 1980-е гг. вложила крупные средства в развитие сырьевых производств и выпуск полуфабрикатов за пределами своих границ, что, в принципе, соответствует стратегии комплексного развития. Не надо также забывать о мощной американской поддержке японской и западногерманской экономик после войны и о слабой конкуренции на мировом рынке в первые два послевоенные десятилетия (тогда еще на мировом рынке не было дешевых товаров из Южной Кореи и Китая). Экономика Японии после войны не была абсолютно свободной, в 1950-е гг. она продолжала оставаться достаточно управляемой государством, несмотря на «шоковую терапию» конца 1940-х гг. (которая отнюдь не была столь «шоковой», как в России и в странах ЦВЕ в 1990-е гг.).

Современные либералы критикуют политику японского правительства в сфере регулирования экономики во второй половине XX в., указывая на ошибки главного государственного органа регулирования МВТП (Министерство внешней торговли и промышленности) (см., например: [8]). Именно на это ведомство после 1949 г. легла большая часть ответственности за модернизацию экономики, именно оно выбрало развитие «по Листу», а не «по Смиту и Риккардо». Однако либералы не учитывают, что серьезные ошибки совершались и куда более либеральными американскими компа-

ниями и государственными структурами (чего стоит только послевоенная история с моделью «Т» фирмы «Форд»).

Интересно, что политика специализации экономики на внешний рынок, согласно Смиту и Риккардо, проводилась в Германии в эпоху Веймарской республики, но неудачно. Германская экономика, державшаяся на американских инвестициях и экспорте промышленных товаров в США и другие страны, рухнула, как только в 1929 г. разразилась Великая Депрессия. После войны новая валютная система Запада, основанная на твердом долларе, низкий уровень конкуренции на мировом рынке обеспечили ФРГ успешную реализацию стратегии ориентированной на внешний рынок экономики. Однако даже в этих условиях западногерманская экономика все равно склонялась в сторону комплексного развития, если вспомнить хотя бы истории с государственной поддержкой угольных шахт и гамбургских судоврефрей.

Case-study США³. В современном мире Соединенные Штаты выступают главными противниками протекционизма в мировой торговле. Однако так было не всегда. Ни в Японии, ни в Германии не имели место столь жесткие таможенные ограничения на ввоз зарубежной промышленной продукции, как это было в США в XIX в. К тому же Бисмарк провел свою знаменитую тарифную реформу в 1879 г., как общепризнанно, с фискальной целью: новой империи не хватало средств на увеличение армии и постройку мощного флота. Правительство же США в начале XIX в. сознательно проводило политику высоких ввозных пошлин с целью поддержки национальной промышленности.

История экономики Соединенных Штатов с точки зрения проверки идей Листа наиболее интересна, поскольку до 1865 г. фактически существовало две «Америки» (подробное изложение экономического противоборства Севера и Юга см.: [5]). Северные штаты развивали комплексное хозяйство «по Листу»; южные штаты развивались «по Смит и Рикардо», специализируясь на производстве хлопка. Поскольку страна была политически единой, между Севером и Югом постоянно шло противоборство по вопросу о таможенных тарифах: южане требовали «свободной торговли», северяне настаивали на протекционистской защите.

Долгое время политики северных штатов добивались законов о протекционистской защите, соглашаясь «в обмен» на выгодный южанам «дорогой» механизм освоения земель Запада. После наполеоновских войн Соединенные Штаты ограждали свою промышленность от Великобритании высокими протекционистскими тарифами 1816 г. (от 7,5 до 30% стоимости товаров), 1824 г. (в среднем до 37%) и 1828 г. («тариф ужасов» – до 45%). Но в 1832 г. у южан «терпение лопнуло», впервые возникла реальная угроза раскола американской нации: правительство штата Южная Каролина отменило на своей территории протекционистские тарифы 1828 и 1832 гг. (до 30-36% стоимости товаров), пригрозив, что принудительные меры центрального правительства приведут к выходу штата из Союза. Этот конфликт удалось на время приглушить, когда президент Э. Джексон согласился снизить пошлины до среднего уровня в 20%.

Фридрих Лист был современником тех событий и дебатов вокруг таможенной политики Соединенных Штатов. На опыте США он убедился в правоте своих взглядов на необходимость государственной поддержки национальной промышленности. Как писал Лист, периоды, когда Конгресс США значительно снижал ввозные пошлины, обозначались для американского общества упадком национального производства во всех отраслях, стоимость сельскохозяйственной продукции и земли тоже падали, поскольку в сельском хозяйстве усиливалась конкуренция [6, с. 98–107]. Экономисты-классики считали, что именно сельское хозяйство в силу обилия и плодородия земель в Северной Америке должно быть сферой специализации экономики США, однако сама практика, как показывает Фридрих Лист, опровергла это утверждение.

Противоборство фритредеров Юга и протекционистов Севера завершилось уже после смерти Листа. В начале 1860-х гг. для компромисса места уже не осталось. Радикальные демократы из администрации А. Линкольна в марте 1861 г., через два дня после прихода к

³ В данном разделе использованы некоторые материалы Ю.В. Латова.

власти, взвинтили средний уровень таможенного тарифа с 15% до 37,5%. Гражданская война между Севером и Югом была, таким образом, не только (и не столько!) войной за отмену рабства (чего требовали северяне), сколько войной за отмену протекционистских тарифов (чего требовали южане). К концу Гражданской войны тариф поднялся до 47%, превысив «тариф ужасов». Высокие таможенные тарифы действовали в Америке и после Гражданской войны, поскольку северяне-протекционисты победили южан-фритредеров. К политике “свободной торговли” США перешли только в XX в., когда им удалось “догнать и перегнать” Великобританию.

Итак, история показывает, что либеральный (“по Смигу и Рикардо”) путь экономического развития был отвергнут всеми тремя “поздними” странами-лидерами в самом начале их перехода к индустриальной цивилизации. Мы видим, что экономическая история новых стран-лидеров подтверждает позицию Ф. Листа, а не его оппонентов.

А в какой степени идеи Ф. Листа можно использовать для понимания истории и перспектив экономического развития нашей страны?

3. Идеи Ф. Листа в контексте экономической безопасности России

Опыт стран с переходной экономикой тоже во многом противоречит теоремам неоклассиков.

Постсоветская Россия vs постсоветская Беларусь. Россия, имея трудонасыщенную экономику и положительный показатель чистого экспорта (120,1 млрд долл. в 2005 г.), демонстрирует сравнительно медленный рост реальной заработной платы в сравнении с другими странами СНГ и Восточной Европы. В то же время, например, Беларусь, обладая отрицательным показателем чистого экспорта (-721,5 млн долл. США в 2005 г. [3]) и тоже высокой степенью трудонасыщенности экономики, показывает самые высокие темпы прироста реальной заработной платы по СНГ (см. Табл. 1).

Таблица 1

Реальная заработная плата в странах СНГ (1991 = 100%)

Годы	Зарплата, %							
	Азербай- джан	Казахс- тан	Россия	Молда- вия	Таджи- кистан	Киргизия	Украина	Белорус- сия
1991	100	100	100	100	100	100	100	100
1992	83	67	70	60	50	90	90	90
1993	65	50	71	40	18	62	76	84
1994	22	38	70	30	15	62	38	82
1995	19	37	50	30	8	70	38	58
1996	20	39	52	31	8	71	38	58
1997	35	40	53	32	8	74	38	60
1998	40	40	49	35	8	80	37	70
1999	48	46	38	30	8	84	37	78
2000	50	50	42	30	10	79	38	86
2001	61	57	51	33	10	82	38	100
2002	66	60	61	40	11	90	45	120

Составлено по: Реальная заработная плата увеличивается во всех странах // Население и общество. Бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народохозяйственного прогнозирования РАН. 2003, №111 – 112 (http://demoscope.ru/weekly/2003/0111/e_bar03.php).

Отметим, что доля продукции с высокой добавленной стоимостью в структуре экспорта Беларуси заметно больше, чем в структуре российского экспорта. По данным белорусских источников, к числу важнейших экспортных товаров Беларуси принадлежат грузовые автомобили, тракторы, калийные удобрения, нефтепродукты, холодильники и морозильники, телевизоры, шины, химические волокна и нити [10]. Такая структура экспорта не типична для трудонасыщенной экономики. Ведь если следовать логике неоклассиков, то Беларусь должна была бы экспортировать преимущественно трудоемкие товары – например, текстиль и древесину.

Вопреки концепциям неоклассиков, почему-то капитал в России и в других странах СНГ не дешевет, его предложение увеличивается далеко не в соответствии с потребностью переходных экономик в капитальных вложениях. И это понятно. В трудонасыщенных экономиках, специализирующихся на производстве трудоемких товаров, капитал стоит дешевле, если его предложение ничем не ограничено, – здесь неоклассики правы. Однако они допускают, что предложение капитала ничем не сдерживается. При низкой норме прибыли, порожденной теми обстоятельствами, о которых писал Фридрих Лист, владельцы капитала не заинтересованы в росте его предложения.

Сегодня страны Третьего мира и страны с переходной экономикой имеют избыток капитала в виде валютных резервов, но он не работает на их национальных финансовых рынках. По мнению аналитиков международного информационного агентства World&News, избыточные валютные резервы развивающихся стран составляют 2 трлн. долларов США; лидерами здесь являются Китай, Россия, Саудовская Аравия и Индия [4]. Заметим, Китай и Индия не экспортируют нефть вообще, однако тоже имеют крупные избыточные валютные резервы, поэтому данную проблему нельзя связывать только с ростом цен на нефть в мире.

Все дело в том, что углубление специализации среди развивающихся стран породило процесс, когда рост нормы прибыли по экономике в целом отстает от желаемого экономическими субъектами показателя или же вообще отсутствует, а происходит это из-за колоссального перераспределения ресурсов в пользу отрасли специализации. Именно от этого предостерегал Фридрих Лист, критикуя классические концепции международной торговли.

Увлечение российских реформаторов либеральными неоклассическими теориями в 1990-е гг. привело к тому, что отечественная экономика является сегодня одной из самых трудонасыщенных среди индустриальных экономик. Однако это не дает российскому обществу тех преимуществ, которые оно должно было бы получить от углубления специализации в производстве трудоемких товаров. В экономической системе России сложилась парадоксальная ситуация: есть избыточный капитал, но он не работает.

Вернемся к сравнению России и Беларуси. Республика Беларусь, в отличие от России, не стала в 1990-е гг. разрушать свой машиностроительный комплекс, хотя в сравнении с развитыми странами он не имел конкурентных преимуществ. Тем не менее успехи белорусской экономики впечатляют – особенно, если учесть, что эта республика почти не имеет полезных ископаемых.

Белорусская экономика пошла по пути ряда постсоциалистических стран Восточной Европы, где был взят курс на развитие производств четвертого и пятого укладов. Россия и несколько других республик СНГ, напротив, взяли курс на развитие сырьевых производств, четко придерживаясь либеральной рецептуры. В результате страны, пошедшие по первому пути, заняли прочные позиции в мировом хозяйстве и добились высоких результатов в социально-экономическом развитии.

Например, маленькая Чехия, имеющая территорию чуть больше Московской области и население около 10 млн. человек, произвела в 2000 г. 435.403 автомобиля. Среди посткоммунистических государств Чехия в настоящее время занимает второе место по уровню жизни (после Словении). В структуре экспорта Чехии и ряда других постсоциалистических стран мы можем заметить сегодня тенденцию не к сокращению, а к значительному

увеличению доли продукции машиностроения. По объемам экспорта в страны ЕС Чехия, Польша и Венгрия уже в 1995-2000 гг. (это был самый переломный этап в развитии переходных экономик) заметно опередили Россию, если не учитывать экспорт топлива и продуктов питания (см. Рис. 1).

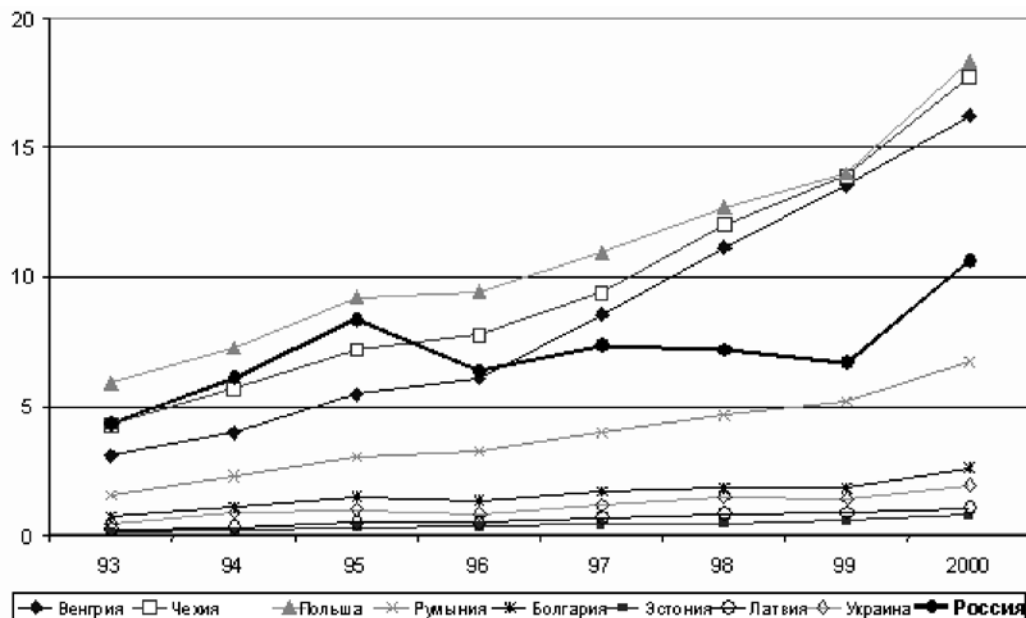

Рис. 1. Динамика экспорта в 12 стран ЕС из стран с переходной экономикой без учета продукции пищевой и топливной промышленности (по вертикальной оси – млрд долл. США)

Составлено по: <http://www.opec.ru/library>.

Чехия, Польша и Венгрия не стали в период либеральных реформ разрушать свое машиностроение в угоду быстрым конъюнктурным выигрышам, так же поступила и Беларусь, – позитивный результат налицо. Российский же экспорт деградирует даже в сфере товарообмена со странами СНГ.

Например, доля продукции машиностроения в российском экспорте на Украину заметно ниже, чем аналогичная доля украинского экспорта в Россию (см. Табл. 2). Отметим интересную черту, резко противоречащую классическим/неоклассическим моделям преимуществ в торговле: Россия, обладая намного большими, чем Украина, лесными ресурсами, импортирует из Украины продукцию целлюлозно-бумажной промышленности. Российский экспорт в другие страны Восточной Европы, увы, не сильно отличается по своей структуре от экспорта на Украину: мы им – сырье, они нам – товары высокой степени обработки.

Россия в капкане специализированного сырьевого развития: уроки исторического опыта⁴. Если ситуация не изменится, то российская экономика вполне может повторить путь, который она уже прошла в XVIII-XIX вв. Тогда Россия помогла Великобритании совершить индустриальную революцию своим дешевым сырьем (особенно металлом), превратившись “в награду” за это в одну из самых промышленно отсталых стран Европы.

Едва открыв при Петре I “окно в Европу”, Россия начала активно экспортировать сырье и полуфабрикаты в Англию и ряд других стран Западной Европы, получая в обмен их промышленные товары (см.: [7, с. 85; 2; 9, с. 177–199]). Из-за преобладания сырьевого сектора российская экономика имела низкие показатели технологического развития, за исключением металлургии, но и там к XIX в. стало заметным снижение производительности труда из-за сохранения за рабочими статуса крепостных. Британская экономика смогла, получая дешевый российский импорт сырья и полуфабрикатов (особенно металла),

⁴ В данном разделе использованы некоторые материалы Ю.В. Латова.

высвободить значительную часть своих ресурсов и бросить их на развитие высокотехнологичных производств. Это позволило английским промышленникам развить ряд технологий, экономящих сырье, а также реконструировать свою металлургию, в результате чего потребность в российском металле в Англии резко сократилась [11, с. 186].

Таблица 2

**Важнейшие элементы товарооборота между Украиной и Россией
в середине 2000-х гг.**

Товарные группы	Структура экспорта из России в Украину, %	Структура экспорта из Украины в Россию, %
Сырьевые товары		
Газ, нефть, нефтепродукты	65	-
Неблагородные металлы и изделия	5	18
Товары высокой степени обработки		
Продукция машиностроения	14	34
Продукция химической промышленности	3	9
Бумага и картон	2	6
Продукция пищевой промышленности	-	11

Составлено по: Яблонская Т. Восточный шанс для экспорта // Эксперт Украина. № 18 (69). 15 мая 2006 (http://archive.expert.ru/ukraine/06/06-18-69/data/18-vostochniy_shans.htm).

Английский историк-экономист Иен Бланшард указывает [12], что вплоть до самого конца XVIII в. Великобритания удовлетворяла спрос на железо не менее чем наполовину за счет импорта из России (главным образом с заводов Урала). Но когда начался подъем английской металлургической промышленности, Великобритания начала целенаправленно повышать тарифы на импорт русского железа – с 2,81 фунтов за тонну брускового железа в 1790 г. до 6,49 фунтов в 1815 г. В результате русское железо с низкой себестоимостью оказывалось в Великобритании неконкурентоспособным в сравнении с английским, которое стоило в 1790 г. на 1,48 фунта дешевле русского, а в 1815 г. – на 5,5 фунтов. Если бы не пошлина, английское железо оказалось бы дороже русского на 1,33 фунта в 1790 г. и на 0,99 в 1815 г. В результате за 1793-1817 гг. российский экспорт железа в Англию упал в 4 раза. Лишь в 1826 г. англичане снизили тариф до 1,1 фунта. Однако к тому времени английская промышленность уже производила железо примерно по той же себестоимости, как в России. В результате Россия так и не смогла вернуть английский рынок железа.

Заданные английской промышленностью вектор и динамика развития промышленности и промышленных технологий диктовали условия хозяйственной жизни во всем мире, включая нормы потребления, которые все время расширялись. Чтобы не отстать от высоких темпов развития Европы, Россия была вынуждена увеличивать потребление западной продукции, в основном английской. Но чтобы оплатить постоянно росший британский импорт, российская экономика была должна наращивать сырьевой сектор. Получился замкнутый круг, из которого Россия смогла вырваться только после 1917 г., когда с Советской Россией развитые страны вообще не хотели торговать. («Не было бы счастья, да несчастье помогло!»)

Снова в ловушку специализированного сырьевого развития наша страна попала уже в 1970-е гг. Именно тогда, когда мировая экономика страдала от «нефтяного шока», в СССР началась интенсивная эксплуатация сибирских месторождений нефти и газа. В результате о косыгинских реформах предпочли забыть, поскольку на гонку вооружений и на импорт потребительских товаров вполне хватало «нефтерублей». Именно тогда наша страна оказалась на «нефтяной игле», где и пребывает по сей день.

Когда, как шутят, единственными союзниками России являются нефть и газ, то врагов иметь уже не надо.

Схематически проигрыш страны, чья экономика специализируется на производстве сырьевых товаров и полуфабрикатов, и выигрыш страны, специализирующейся на производстве готовых к потреблению товаров, изображен на рис. 2.

Выводы, приводимые в схеме, подтверждаются также статистикой динамики изменения структуры мирового экспорта в конце XX – начале XXI вв. (см. табл. 3). Мы видим, как неуклонно сокращается доля сырьевых товаров. Это результат того, что индустриально развитые страны совершенствуют сырьесберегающие технологии по мере роста своего промышленного потенциала, который имеет место именно за счет углубления специализации отдельных развивающихся стран на производстве сырьевых товаров.

Таблица 3

Товарная структура мирового экспорта (в% к итогу)

Товарные группы	Фактически		Прогноз		
	1990	2000	2005	2010	2015
Готовые изделия	70,4	77,5	80,8	83,2	85,3
- машины и оборудование	35,8	41,9	44,8	47,4	49,5
- химические продукты	8,5	9,6	9,9	10,2	10,3
- промежуточные инвестиционные товары	7,8	7,6	7,3	6,5	6,5
- текстиль и одежда	6,3	6,1	5,9	5,9	5,4
- другие потребительские товары	11,9	12,3	12,9	13,4	13,6
Сырье и полупродукты	17,4	12,5	10,4	8,9	7,6
- топливо	10,5	7,3	6,1	5,3	4,4
- черные металлы	3,1	2,3	1,9	1,6	1,4
- цветные металлы	2,1	1,8	1,6	1,5	1,3
- руды и другие минералы	1,7	1,1	0,8	0,6	0,5
Аграрные продукты	12,2	10,0	8,8	7,9	7,1
- продовольствие	9,3	8,0	7,2	6,6	6,0
- сельскохозяйственное сырье	2,9	2,0	1,6	1,3	1,1

Составлено по: <http://www.exin.ru/test/doc6.html>. Приведенные данные за 2005 г. прогнозные, поскольку составлялись Экспертным институтом в 2003 г.

Итак, путь углубленной специализации для стран СНГ – это путь деиндустриализации, который уже пагубно повлиял на российскую экономику в 1990-е гг., выкинув ее из ряда ниш мирового рынка, где она могла бы занимать одно из ведущих мест. В результате отечественная экономика оказалась в мировой экономической системе в разряде поставщиков необработанного сырья – в той сфере мирового хозяйства, где имеет место наиболее жесткая конкуренция. Как показывает опыт НИС и Беларуси, только развитие производств продукции с высокой добавленной стоимостью способствует росту благосостояния общества. Развитие диверсификации, а не специализации, – вот наиболее эффективный путь для транзитивных экономик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гильбо В. Фридрих Лист, который опять современен // [http://lsg.ru/index.php/\[16\]?page=economics&art=87](http://lsg.ru/index.php/[16]?page=economics&art=87)
2. Демкин А.В. Внешняя торговля России через Петербургский порт, 1764 г.: Ведомость об экспорте российских товаров. М.: Издательский центр ИРИ, 1996.
3. Доклад Министерства финансов Республики Беларусь о социально-экономическом положении Республики Беларусь и состоянии государственных финансов, январь-декабрь 2005 года // http://ncpi.gov.by/minfin/Budget/Y2005/M1_12/D1_12.htm
4. Избыточные валютные резервы развивающихся стран составляют 2 триллиона долларов. 14 сентября 2006 г. // <http://worldnews.org.ua/news3223.html>

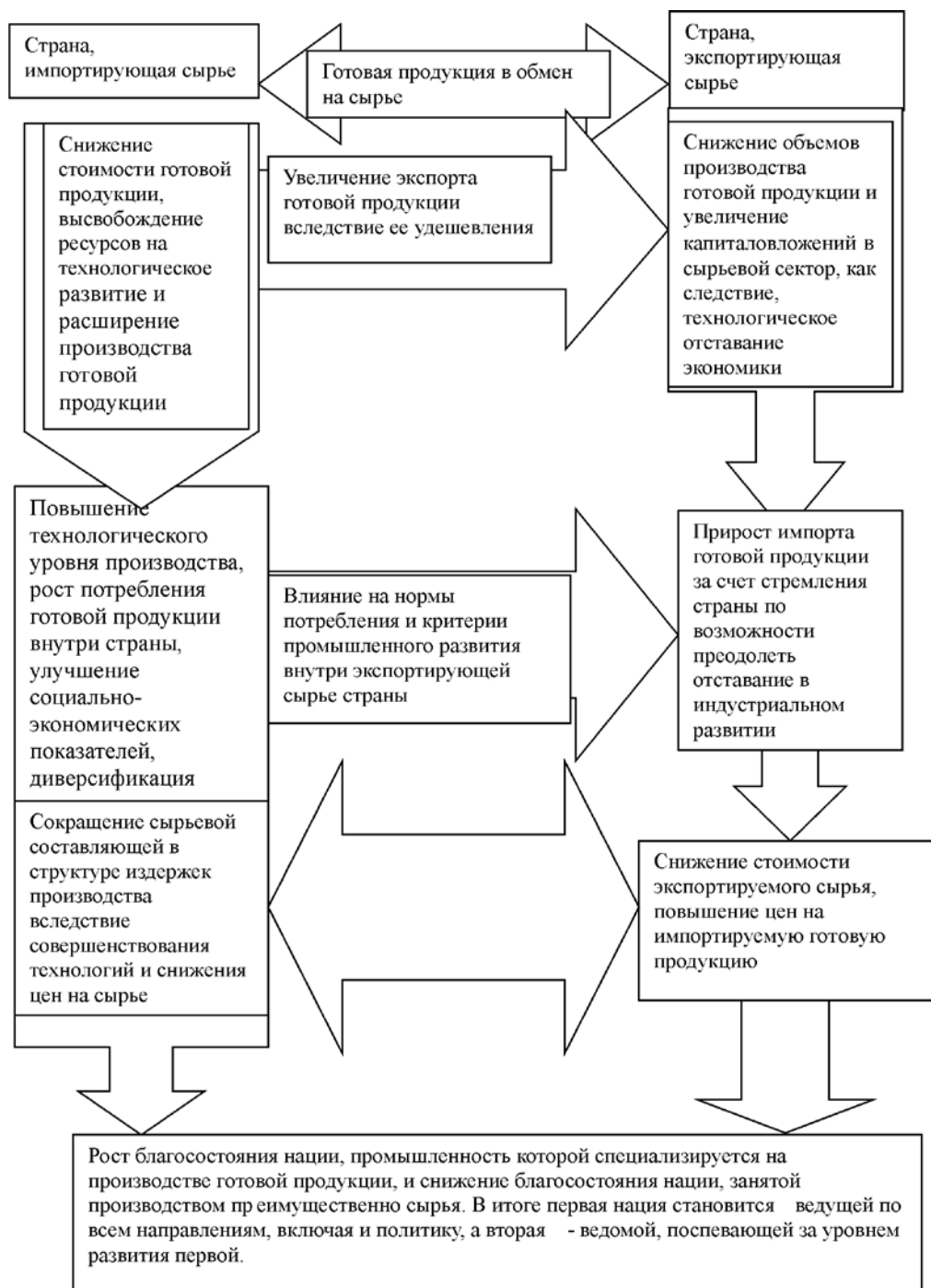

Рис. 2. Подъем и упадок наций как следствие специализации в мировой торговле

5. Латов Ю.В. Новая экономическая история Гражданской войны в Америке и ликвидации плантационного рабства // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 1.
6. Лист Ф. Национальная система политической экономики. М.: Европа, 2005.
7. Мельянцев В. А. Россия за три века: экономический рост в мировом контексте // Общественные науки и современность. 2003. № 5.
8. Миф о японском Госплане в назидание авторам белорусской кремневой долины // <http://liberty-belarus.info/content/view/315/51/>

9. *Репнин Н.Н.* Участие купечества Европейского Севера во внешней торговле через Архангельск в первой четверти XVIII века // *Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный географический сборник.* Вологда, 1973. Вып. 3.
10. *Решетников Д.* Особенности товарной структуры экспорта республики Беларусь // *Белорусский журнал Международного права и международных отношений.* 2002. № 3.
11. *Экономическая история мира. Европа. Т. 2 / Под общ. ред. М.В. Конотопова.* М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2004.
12. *Blanchard I.* Russia and international iron markets, ca. 1740–1850 // *Conference «Trade, commodity markets and the mercantile contribution to industrialization». Session «Commodity markets and industrialization».* The University of Glamorgan, 20–21 April 2001.